

ВЕРИТЬ И БОРОТЬСЯ

УТВОРЧЕСКОГО содружества тульских и зволенских мастеров сцены теперь уже достаточно глубокие и крепкие корни. Дважды туляки ставили спектакли в далеком среднеслонацком городе, в начале нынешнего года состоялась премьера третьей совместной постановки на сцене Тульского драматического театра имени М. Горького. Режиссер Мартин Петерих и художник Раствислав Бохуш вместе с тульскими актерами дали сценическую жизнь пьесе словацкого драматурга Штефана Кралика «Прекрасная незнакомка».

Снова, как и самая первая совместная постановка двух театров «Прежде чем пролоет петух», спектакль этот обращается к дням минувшей войны, к событиям почти сорокалетней давности. И это обращение вполне закономерно. Для советского и чехословацкого народов годы войны по-прежнему остаются и навсегда останутся не остывающими в памяти, не имеющими срока давности. Спектакль помогает зрителю почувствовать всю ненормальность, всю дикую жестокость войны, ее несоответствие всему людскому человеческому, живому, светлому.

Осень сорок четвертого года. Гитлеровские оккупанты стремятся всеми силами погасить пламя Словацкого национального восстания, героям которого спешат на помощь советские войска. Замер, затанул придавленный террором фашистов и их местных прислужников маленький словацкий городок. Эта атмосфера мрака, опустившегося на город, постоянного ожидания опасности, гибели очень точно передана постановщиками. Зловещего содержания объявления немецкого командования, разносимые по улицам громкоговорителями, порой разрывающие тишину выстрелы. И символом подавления всего непокорного, инакомыслящего — вооруженный вражеский мотоциклист вдали, на площади. И еще более зловещий символ смерти — появляющиеся время от времени молчаливые фигуры с мертвенно-бледными лицами, со свастикой на широким, словно крылья летучей мыши, черных мантиях. То безмолвно прокручатся в каком-то чудовищно-фантастическом хороводе, то учинят расправу над очередной жертвой, так и не произнесая ни слова.

— Мерзость! Какая мерзость! — восклицает Феликс, в бессильном негодовании мечась по комнате. Вся жизнь ему казалась, что можно честно выполнять свой врачебный долг, руководствуясь лишь гуманными-этическими, но отнюдь не политическими соображениями. Как же быть теперь? Как сделать, чтобы все это прошло стороной, не задев его, Феликса?

Он долго не понимает, что в эту грозную пору, когда решается судьба страны, нельзя оставаться на нейтральной полосе. Надо сделать решительный шаг в ту или совсем противоположную сторону. Третьего не дано! Ему поначалу и невдомек, что политика уже вошла в его дом вместе с актером, раненым бойцом партизанского отряда, которого он привез к себе, чтобы оперировать; вместе с партизанкой Любой, скрывшейся у него от гитлеровцев, той самой Прекрасной незнакомкой, встреча с которой чудится, несет ему гибель.

Решенный в жанре психологической драмы спектакль вводит зрителя в мир глу-

боких душевных переживаний главного героя, Феликса неотступно преследует мысль о смерти. С этим связана и сложная композиция пьесы, когда действие разворачивается в двух планах — в настоящем времени и в прошедшем, через воспоминания и видения героя. Потому-то и проходит перед Феликсом длинной чередой разные люди: родные и просто знакомые, друзья и враги, живые и уже умершие. Только в этом «параде теней» нет ничего ирреального, нет никакой мистики. Герою надо получить ответ на мучающие его вопросы о том, что же такое смерть, страшна ли она человеку. И он допытывается об этом и у служанки Терезы, и у погибшего в фашистском концлагере профессора, и у давно умершего отца своего... И не получает исчерпывающего и однозначного ответа.

Герой Ю. Муравичко вконец издерган, измотан этой дьявольской обстановкой оккупированного города, когда человек оказывается во власти нацистской мерзости: он измучен бессонными ночами и преследующими его мыслями о смысле жизни и смерти; порой он близок к истерике, когда начинает говорить о гнусностях фашистской диктатуры, когда ему кажется, будто весь мир сошел с ума. Но Феликс безучастно и честно, предан своему долгу. И хотя в голосе его звучит оттенок иронии, когда он говорит профессору, что любой человек может быть аморальным, только врач не имеет права изменять своим этическим принципам, всегда должен быть там, где всего нужнее, эта ирония — лишь некая защитная маска, не столько может быть, перед другими, сколько перед самим собой.

С одной стороны — растерянный неврастеник, ищущий во всякого рода успокоительных средствах хотя бы временного забвения мерзостей окружающей действительности, а с другой — самоотверженный врач, под самым носом оккупантов оперирующий спасенного им партизана. Не верящий в лучшее будущее для себя и своего народа и одновременно рискующий жизнью ради других, ради приближения светлого часа победы над мрачными силами фашизма, ради этого самого лучшего будущего. Таков он, Феликс. Артист с убедительной точностью передает это состояние двойственности, когда в человеке рядом уживаются отчаянная смелость, уверенность в себе и растерянность перед лавиной грозных событий, парализующий волю страх, заставляющий цепенеть от неожиданного стука в дверь. Он успокаивает страшящуюся за него жену: «Обо мне можешь не беспокоиться». Измена коммуниста не получается, — а сам объективно приходит и осознанию необходимости борьбы с фашизмом. Пуля, выпущенная им из пистолета в финале спектакля, не попадает в эсэсовского офицера, но этот выстрел подводит итог не только жизни Феликса, но прежде всего его сомнениям.

Но до этого ему еще предстоит встретиться с партизанкой Любой. Вот появляется на пороге его дома она, молодая, смелая, красивая, обезоруживающе прямодушная, и со всем пылом человека, не знающего сомнения, начинает убеждать Феликса в необходимости борьбы со злом. Люба в исполнении артистки Е. Кондратьевой сочетает в себе обаяние целомудренной юности с решительным бесстра-

шием рано повзрослевшего в суровых испытаниях бойца. Феликс едва ли не вдвое старше Любы, но именно она в этот критический момент оказывается его духовным наставником, она старается сломить в нем безнадежный пессимизм, убедить его в том, что в конечном счете в мире восторжествует добро, что зло, каким бы сильным ни было оно, все-таки окажется побежденным. И нужен сейчас не абстрактный гуманизм, а деятельность ради победы добра.

Немало человеческих характеров и типов проходит перед зрителем в спектакле. Ярмилу, жену Феликса (артистка Н. Мартынова) по началу, кажется, ничего не беспокоит, кроме безопасности мужа и своей собственной. Но вот надо ампутировать ногу раненому актеру, и она решительно надевает белый халат, становится к операционному столу, чтобы помочь мужу. А актер (А. Кирьяков), страдающий от боли, в условиях, когда в любую минуту он может оказаться в руках врага, деловито осматривает рентгеновский кабинет в доме врача в надежде установить в нем радиопередатчик, чтобы продолжать борьбу. А сколько основательного крестьянского здравомыслия в Терезе (артистка И. Васина), как глубока в ней ненависть к оккупантам.

В воспоминаниях и воображении Феликса возникают профессор (Н. Казаков), за свои нравственные принципы заплативший в концлагере жизнью, и хладнокровная садистка в белом халате Гильда (В. Шаплина), отнимающая у него эту жизнь ради «опыта». Перед ним проходят его отец (В. Башкин) и мать (В. Борисова и Е. Пчелина), отец и мать Ярмилы (Е. Басин и С. Миловидова) — каждый со своей судьбой, своим отношением к жизни и смерти, — и у них он безуспешно пытается получить ответы на засевавшие в голове вопросы. Никто, оказывается, не может ответить тому, чего так остро человеку необходимо пройти самому. И Феликс понимает, что обязан преодолеть в себе страх, избавиться от ужаса перед смертью. Перед самой своей гибелью он осознает, что надо верить и бороться за свою веру, что только та жизнь не прожита даром, которая отдана людям.

Не все драматические узлы в пьесе завязаны с достаточной логической последовательностью и необходимостью. Заметно порой, с каким трудом идут через недостатки драматургического материала режиссер и актеры. Тем больше впечатляет мастерство постановщика. Изобретательный, смелый и умный режиссер, Мартин Петерих, мы видим, предоставил актерам достаточную свободу действий, дал им возможность импровизировать, и своих решениях шел не от заранее намеченной схемы, а от того, чем располагал каждый исполнитель, давля ему простор для самовыражения. А как разнообразно, многолико пластическое построение и отдельных мизансцен и всего спектакля в целом! Хотя место действия от начала до конца не меняется, каждому эпизоду сообщен предельный динамизм. Умело используются постановщиком возможности светового оформления спектакля.

Итак, на тульской сцене третья совместная постановка советских и словацких мастеров. Творческому содружеству этому жить, развиваться, становиться еще более плодотворным.

В. ЧИЖОВ.